

Г. И. МИХАЙЛОВ

«ТОДО БИЧИГ» И НАЧАЛО ОЙРАТСКО-КАЛМЫЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К сожалению, наши лингвисты почти перестали изучать историю языка, хотя их предшественники этим проблемам уделяли много внимания. «Последним из могикан» был Б. Я. Владимирцов. Он дал нам схему развития монгольского письменного языка, которой мы пользуемся до сих пор, мало внося своего. Очень часто грамматисты наши ограничиваются, я бы сказал, подобием отписок. Но придет, будем надеяться, время, и мы этот прорыв ликвидируем.

Пока же можно с уверенностью утверждать, что на протяжении семи с лишним столетий в монгольской среде непрерывно велась филологическая работа, появлялись самые разнообразные труды. Обо всех этих трудах сейчас говорить нет нужды, коснемся лишь тех, которые посвящены письменности и письменному языку. Одни филологи в разное время трудились над усовершенствованием монгольской письменности и письменного языка, а другие пытались создавать «ясное письмо» и язык, близкий к живому.

Усовершенствования уйгурской письменности начались в XIII в., продолжались и в XIV в. Пионерами в этой области считаются Сажандита Гунгаажалцан и Чойжодсор. Особенно велики заслуги последнего, он считается отцом и монгольской письменности, и монгольского письменного языка. Если бы пришлось проводить такого же рода конференцию в Монголии, в центре внимания докладчиков был бы, конечно, Чойжодсор. В последующие века неизвестные пока филологи продолжали работы в этом направлении, монгольский алфавит пополнился некоторыми новыми знаками, совершенствовалась орфография и т. д.

Некоторые филологи пытались изменить форму букв традиционной письменности, не претендуя, вероятно, на реформу письменного языка. Так, один неизвестный филолог (может быть, даже целая группа лиц) составил алфавит, именуемый монголами «эвхмэл үсэг». Этот алфавит не внес никаких усовершенствований, новшество свелось к замене зубчиков и кружков монгольской письменности прямоугольниками. И другим буквам придана по возможности форма прямоугольника. Выписывать такие буквы очень трудно, пишущий должен быть художником, поэтому «эвхмэл үсэг» по прямому назначению не использовалась, а выполняла роль орнаментального письма в необходимых случаях.

Любопытно, что почти одновременно начался и другой процесс, тоже развивавшийся на протяжении нескольких столетий — от Пагваламы до Агваана Доржиева, нашего современника. Усилия представителей этого течения были направлены против сложившихся традиций. Некоторые филологи такого толка стре-

мились создавать лишь новый письменный или литературный язык, а другие полностью отвергали и традиционный алфавит.

К числу первых относятся Аюуш-гууш, создавший в XVI в. свой известный «галиг», Заяпандита Намкайжамц (XVII в.) и Агваан Доржиев (начало XX в.). Решительными реформаторами были Пагва-лама (XIII в.) и Ондор-гэгээн (XVII в.).

Деятельность Гунгаажалцана, Чойжодсора и др. была эффективной, способствовавшей развитию и совершенствованию монгольской письменности и монгольского письменного языка. Труды же решительных реформаторов в большинстве случаев кончались неудачей.

Причины неудачи Пагва-ламы и Ондор-гэгээна обусловлены тем, что они слишком решительно порывали с традициями, ориентируясь на тибетскую письменность, малознакомую монгольским народам во времена Пагва-ламы. В XVII в. тибетский язык и тибетская письменность завоевали в Монголии более прочные позиции, казалось бы, Ондор-гэгээнуну легче было создать и внедрить свое «соёмбо», однако и этот реформатор по тем же причинам потерпел неудачу. К тому же Ондор-гэгээн придал своим буквам очень сложную форму, во много раз более сложную, чем «эвхмэл үсэг». Поэтому его письмом практически пользоваться было невозможно, простому смертному вырисовывать буквы «соёмбо» было очень трудно. «Хэвтээ дөрвөлжин», другое изобретение Ондор-гэгээна, поделило судьбу «соёмбо».

Агваан Доржиев опирался, правда, на монгольский алфавит, но его реформа, я бы сказал, была запоздалой, ибо у бурят к XX в.

сложился уже свой письменный язык с богатой литературной традицией, о чем несколько ниже будет сказано подробнее. И хотя как Агваан Доржиев, так и его предшественники опирались на монгольскую письменность, победа все же оставалась за сторонниками традиций.

Аюуш-гууш имел ограниченный успех — его «галиг» не стал практической письменностью, но все же иногда выполнял роль транскрипции. Значит, труд его не пропал полностью; какую-то пользу принес.

Имели ли успех письменность и письменный язык Зая-Пандиты?

С. А. Козин считал, что Зая-Пандита стремился сделать свою письменность «всемонгольской»¹. Из выступления Ц. Дамдинсурэна², имевшего в прошлом году беседы с московскими монголистами, мы узнали, что Г. Д. Санжеев придерживается того же мнения.

Если у Зая-Пандиты действительно были такие намерения, С. А. Козин мог с полным правом заявить: «Как военным вождям ойратов не удалось объединение Чингисова монгольского мира, так и реформе Зая-Пандиты не суждено было сделать всемонгольской свою усовершенствованную письменность»³.

Можно, конечно, сделать допущение, что Зая-Пандита действительно хотел создать новую письменность и новый письменный язык, общий для всех монголов. В таком случае его придется признать утопистом, а его реформу — крупной неудачей. Ведь монгольский письменный язык тем и силен, что служил средством общения, связывал разные монгольские народы, а «тодо бичиг» для этих целей мало годился. Но как мы можем судить

о намерениях Зая-Пандиты? Его высказываний на сей счет у нас нет, и его биограф Раднабадра ничего по этому поводу не писал, ограничившись констатацией факта создания нового алфавита.

Б. Я. Владимирцов же придерживался иного мнения, и это мнение представляется нам более правильным. В «Сравнительной грамматике» он писал: «У ойратов в половине XVII в. делается попытка создания нового письменного языка... Как и Лагва-лама, Зая-Пандита не ограничился изобретением новых букв и нового правописания, он стремился создать литературный обще-ойратский письменный язык»⁴.

Кто согласится с этим положением Б. Я. Владимирцова, тот должен будет признать, что реформа Зая-Пандиты имела успех, ибо его письменность и нормы письменного языка, выработанные им, были приняты ойратами и существовали в течение трех столетий. И в настоящее время синьцзянские ойраты пользуются своим языком, если только китайские шовинисты не нарушили нормальный ход национально-культурного строительства в том районе.

Реформу Зая-Пандиты Б. Я. Владимирцов не считает, таким образом, неудачей. Он в той же «Сравнительной грамматике» писал: «Зая-Пандита со своей задачей справился вполне: он создал действительно общий язык на почве ойратских говоров. Язык, созданный им и выявляемый в многочисленных переводах с тибетского, сделанных им и его школой, не был каким-либо ойратским говором, литературно обработанным, нормированным для нужд письменности»⁵.

Правда, Б. Я. Владимирцов отмечает и слабые стороны реформы Зая-Пандиты. Наш выдающийся монголовед хотел бы видеть реформу эту более радикальной: «Выполняя функции делового языка, ойратский письменный значительно сблизился с народной речью, в остальных же областях литературы он почти остался в застывших формах, раз установленных Зая-Пандитой и его школой. В результате он превратился в подобие монгольского письменного языка, стал монгольским письменным языком второго сорта. Поэтому, несмотря на все свои преимущества, он не может сопротивляться монгольскому, общемонгольскому письменному языку и уступает ему место, как, например, в Западной Монголии»⁶.

Значит, Б. Я. Владимирцов говорит не о неудаче предприятия Зая-Пандиты, а о просчетах создателя ойратско-калмыцкой письменности, мешавших ее широкому распространению. В целом же Зая-Пандита, по мнению Б. Я. Владимирцова, «со своей задачей справился вполне». На этот счет у Б. Я. Владимирцова не было никаких сомнений.

В чем же причина успеха реформаторской деятельности ойратского Зая-Пандиты?

Прежде всего следует заметить, что этот реформатор не порывал с национальными традициями, не стремился создавать совершенно новую письменность. Его скорее можно было бы упрекнуть за чрезмерную приверженность традициям в той части его деятельности, которая касалась письменного языка. Зая-Пандита знал тибетский язык, отлично им владел и мог бы, конечно, пойти по пути Пагва-ламы или Ондоргэгээна, но он этого не

сделал, отдав предпочтение монгольской письменности перед тибетской, хотя последняя была в почете у большинства людей его круга

И при создании ойратско-калмыцкого письменного языка Зая-Пандита оставался традиционалистом, как уже говорилось выше. Вспомним интересное с этой точки зрения высказывание Б. Я. Владимирцова об архаизмах и монголизмах в переводах Зая-Пандиты и его учеников. Тут следует заметить, что во времена Зая-Пандиты обойтись без архаизмов и монголизмов (да и тибетизмов, заметим в скобках) было, вероятно, во многих случаях трудно, трудно было сразу создать чисто ойратский письменный язык, поскольку диалекты не всегда располагали необходимым лексическим материалом. К тому же архаизмы, монголизмы и тибетизмы проникали в переводы Зая-Пандиты и его учеников вне зависимости от их воли, если учесть, с какими оригиналами им приходилось иметь дело. Да и вообще от всякого рода «измов» уйти почти невозможно. Мало ли всяких заимствований, например, в русском языке, хотя все время предпринимались попытки субъективистского словотворчества. Однако «окоём», «ячество», «мокроступы» и другие подобного рода лексические инновации казались русским людям большими архаизмами, чем заимствованные «горизонт», «эгоизм», «галоши».

Способствовало успеху реформы Зая-Пандиты и еще одно очень существенное обстоятельство. Могли бы новая письменность и новый письменный язык остаться достоянием самого реформатора, как случилось, например, с Агваан Доржиевым и, вероятно, с Он-

дор-гэгээн. С Зая-Пандитой ничего подобного не случилось благодаря тому, что он создал свою школу и перевел на ойратско-калмыцкий язык 177 различных произведений, а его ученики продолжили дело своего учителя, осуществив перевод еще 37 произведений. Б. Я. Владимирцов совершенно определенно говорит об ойратском письменном языке, выявляемом в переводах Зая-Пандиты и его учеников.

Все перечисленные выше обстоятельства весьма и весьма существенны, конечно, однако не в них главное. Ведь и Агваан Доржиев опирался на традиционную письменность и один из живых бурятских диалектов (хоринский), который в революционную эпоху был положен в основу современного бурятского литературного языка. Применяли на практике свою письменность как Пагва-лама, так и Ондор-гэгээн. Имели, конечно, все они своих учеников. Тем не менее их деятельность прошла почти бесследно.

Очевидно, Зая-Пандита действовал при наличии каких-то особых обстоятельств, способствовавших успеху новой письменности и нового письменного языка. Выявление этих особых обстоятельств представляется делом чрезвычайно важным.

С. А. Козин пытается реформу Зая-Пандиты как-то связать с усилением военной мощи дэрбэн ойратов в XV в. В приведенной выше цитате он говорит, что как военные мероприятия ойратских вождей, так и реформа Зая-Пандиты не имели успеха. Однако такую попытку нельзя признать удачной, ибо слишком большой разрыв во времени между монголо-

ойратскими войнами и реформой Зая-Пандиты.

Правда, как мне представляется, на стороне А. В. Бадмаева⁷, связывающего создание ойратско-калмыцкой письменности и ойратско-калмыцкого письменного языка со сложением ойратской народности. Такой процесс в то время наблюдался не только у ойратов, но и у других монгольских народов. Возможно, и уход предков нынешних калмыков из пределов Западной Монголии на берега Волги явился одним из проявлений этого процесса. Какими бы соображениями ни руководствовались предводители переселенцев, конечным результатом перекочевки явилось создание калмыцкой народности.

Нашел свое отражение процесс формирования монгольских народностей и в поэтическом творчестве их. А в этой области наблюдался процесс разложения единой, общемонгольской литературы, сопровождавшийся образованием национальных литератур, отмеченных многими специфическими чертами.

Уже в XVII в. и во Внутренней Монголии, и в Халхе (Внешняя Монголия) появляются авторы, носители своеобразных тенденций, которые в дальнейшем все более и более усиливались. Известная летопись «Алтан товч» Мэргэн-гэгээн (XVIII в.) настолько своеобразна, что Ц. Дамдинсурэн отказывается признавать ее историческим произведением, относя ее к числу «улгэров». Отказывается этот монгольский ученый признавать историческим сочинением и летопись «Болор эрх» (тоже XVIII в.) Рашпунцага, считая ее историческим романом, хотя произведение, близкое современному историческому роману, бы-

ло создано лишь в конце XIX в. («Хөх судар» Шижаннаш).

Во Внутренней Монголии в самых общих чертах наблюдались такие же процессы, как и в Халхе, но в первом случае эти процессы развивались более ускоренными темпами. В обеих этих частях монгольского мира раздавались довольно громкие голоса протеста против феодального гнета и засилия лам, однако внутренние монголы в этом отношении были более решительными, антиламские настроения у них перерастали в антиламаистские. Первые антивоенные стихи появились также во Внутренней Монголии.

Во второй половине XVIII в. и буряты стали создавать свою самобытную литературу. Начинали они, как и другие монгольские народы, с исторического жанра. Известны «Выписка из родословной худайского рода», легенды об Асуйхан-удаган и Балжин-хатан, длинный ряд летописей.

Почти одновременно с историческим зарождался в Бурятии и жайр хождений. В рукописных фондах Института народов Азии АН СССР хранится большое количество описаний путешествий в Тибет и Непал, в Петербург и Москву. Возникали на бурятской почве и сургаалы.

В годы первой русской революции различные бурятские авторы создавали произведения так называемой улусной или бытовой драматургии. Творчество этих авторов знаменовало переход от средневековой литературы к современной реалистической и проходил он при сильном влиянии русской классической литературы.

Процесс формирования национальных ли-

тератур у каждого народа отличался известным своеобразием. В Бурятии и Калмыкии, например, развивался жанр хождений, халхаские авторы хождений не писали. Намтары встречались у халхасов и внутренних монголов, известен один ойратский намтар, а у калмыков и бурят произведения этого рода до сих пор не обнаружены. Сургаалы составлялись внутренними монголами, халхасами и бурятами, но ойратские авторы таких произведений не создавали. Есть сведения, что у калмыков имел хождение сургаал «Үлгүрин дала», а в начале XX в. появился обличительный сургаал Бован Бадмы, о котором речь будет ниже.

В это же время зарождается и самобытная ойратская литература. Начиналось все, правда, с переводов, тем не менее в XVII в. появились и оригинальные произведения. Зая-Пандита ограничивался переводами, оригинальных художественных произведений он не создавал. Но Раднабадра заложил основы биографического жанра, написав интересную биографию своего учителя. Это его произведение отличается рядом черт от намтаров, которые встречались в Халхе и Внутренней Монголии.

В то же время получила, по-видимому, литературное оформление «Повесть о разгроме дэрбэн ойратами монгольского Увш-хунтайж». Несколько позже стала литературным произведением легенда об Амурсане. Вероятно, более или менее одновременно с предыдущим произведением была зафиксирована и «Повесть о Хан-харангуйе». Надо думать, примерно в конце XIX в. предпринимались попытки фиксации знаменитой Джангариады. Со временем, вероятно, выясним, точно, ког-

да печатная Гэсэриада стала достоянием ойратской литературы.

В учебнике по истории монгольской литературы Д. Цэнд упоминается «Дөрвөн ойрадын намтар түүх», относящуюся к 1751 г.⁸. Имеются и другие, не совсем конкретные, правда, указания о существовании исторических сочинений ойратов.

Много сделали для развития ойратско-калмыцкой литературы и калмыцкие авторы. В Калмыкии процесс создания самобытной литературы отличался даже большей, чем у ойратов, интенсивностью. Уже в XVIII в. было написано историческое сочинение Алдар-Гавж. По стопам его пошел Габаншараб, летопись которого считается лучшим историческим сочинением калмыков. К XVIII в. относится и историческая песня, приписываемая Галдан-цэрен-жижитэну. В этой песне повествуется о путешествии калмыков в Тибет в 1756 г.

В XIX в. калмыцкие авторы добились еще больших успехов. Они продолжали трудиться в области исторического жанра, доказательством чего может служить летопись Баатрувш-Тюменя. В это же время появляются обстоятельные описания путешествий. Тут можно назвать широко известный труд Базабагш, опубликованный А. М. Позднеевым.

И конечно же, говоря о калмыцкой литературе XIX в., никак нельзя пройти мимо боевых стихов Ончхана Жиргала, которые имели в начале прошлого века большой общественный резонанс и хранились в народной памяти вплоть до наших дней.

В самом начале XX в. писал Пурдаш-Очир Джунгуруев. Есть сведения о его описании

путешествий в Тибет в 1898—1900 гг. и 1902—1903 гг. К той же эпохе относится, видимо, описание путешествия База-багш к карашарским торгутам. Об этом сочинении База-багш имеются сведения в том же издании (предисловие Б. Я. Владимирцова к книге Б. Лауфера)⁹.

Перед самой Октябрьской революцией вышло в свет произведение Бован Бадмы «Чикни хужр» («Услаждение слуха»), представляющее собой обличение знати и главарей ламаистской церкви, облеченное в форму сургаала.

В фондах Института народов Азии АН СССР хранится сочинение, озаглавленное «Ач ихт Аюкийн судр», и еще несколько фрагментов исторических сочинений, в одном из которых речь идет о борьбе Дондог-омбо со своим сыном Галдан-норма. Время создания этих произведений пока не удалось установить, вероятно, они относятся к XVIII—XIX вв. Нельзя, понятно, считать, что поиски закончены и искать больше нечего, возможны новые находки.

Способствовала развитию ойратско-калмыцкой литературы также переводческая деятельность Зая-Пандиты и его учеников. Как уже говорилось, они перевели большое количество разнообразных произведений. И не ко всем этим переводам у нас одинаковое отношение. Переводы произведений духовной литературы не представляли какого-либо исключительного интереса даже в то время, поскольку такого рода литература тогда имела уже широкое распространение, новые переводы не являлись каким-то событием. И мы не говорили бы так много о Зая-Пандите и его

деятельности, если бы он и его ученики не переводили произведений светской литературы. Только такие переводы играли положительную роль в эпоху засилия «желтой веры», суживая сферу влияния духовной литературы.

С таких позиций надлежит подходить и ко всей деятельности Зая-Пандиты. Порой он делал то же самое, что делали и другие служители ламаистской церкви, т. е. совершал религиозные обряды, проповедывал догматы буддизма, боролся с шаманизмом, собирал подношения в пользу церкви вообще и Далай-ламы, в частности. Такого рода деятельность мы не ставим ему в заслугу. Да и в то время она считалась просто нормальной.

Положительной же оценки заслуживает именно то, что другие лица его круга не делали. В актив Зая-Пандиты можно отнести его письменность и письменный язык, перевод произведений светской литературы, распространение грамотности и т. п. А его успех в этом направлении был обусловлен исторической обстановкой. Можно сказать, что история работала на Зая-Пандиту. Не будь процесса складывания ойратской народности, реформа Зая-Пандиты, возможно, оказалась бы не более жизненной, чем мероприятия такого же рода других реформаторов, о которых говорилось выше. Эти замечания ни в какой мере не умаляют достоинств Зая-Пандиты, а просто выделяют положительное в его деятельности.

Сноски

1. Гесериада, стр. 13. М. —Л., 1935.
2. Газ. «Утга зохиол, урлаг», 1 декабря 1967 г.
3. Гесериада, стр. 13, М. —Л., 1935.
4. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, стр. 25, Л. 1929.
5. Там же.
6. Там же.
7. Роль Зая-Пандиты в истории духовной культуры калмыцкого народа, стр. 6, Элиста, 1968.
8. Д. Цэнд. Монголын уран зохиол, стр. 1, ч. 8, Улан-Батор, 1957.
9. Очерк монгольской литературы, стр. XIV, Л. 1927.